

Его энтузиазм передался и мне, я едва не порывался пожать ему руку или похлопать по плечу. Но в тот момент мои руки должны были крепко держать руль. Водить машину я умел не слишком уверенно. Тойота мчалась по дороге. За окнами расстилалась чернильно-черная ночь, фонарей на обочине не было, но очертания дороги и желтая линия посередине казались на редкость отчетливыми в свете фар. Я сказал А Вэню, что с радостью встречу и провожу его в аэропорт, к тому же надеялся в те недолгие два дня, что он проведет в отъезде, покататься на его Тойоте в свое удовольствие. Услышав мою просьбу, А Вэнь несколько удивился. Разумеется, он и ведать не знал о моих скрытых побуждениях, а я ведь всегда так не любил его обременять. Он необычайно обрадовался, словно только и ждал, пока я обращусь к нему с какой-нибудь чрезмерной просьбой. А я и в самом деле искренне хотел сделать для него хоть что-то. Я не мог толком объяснить, было ли это попыткой отплатить за добро или просто стремлением порадовать его. Как бы то ни было, собственный план приводил меня в возбуждение. Мне даже не терпелось поскорее проводить А Вэня в путь. А Вэнь специально предупредил профессора Ло, что сможет добраться до аэропорта сам и профессору не нужно утруждать себя поездкой. Чтобы все прошло гладко, накануне мы съездили в аэропорт на разведку. Я-то думал, что аэропорт — место невероятно сложное, но оказалось, что указатели там расставлены предельно четко и встречать или провожать гостей совсем не трудно. Рано утром на следующий день я отвез А Вэня в аэропорт, а оттуда сразу же направился в заранее оговоренную автомастерскую. Чтобы управиться с ремонтом такого масштаба всего за два дня, мне пришлось порядочно поторговаться с хозяином гаража. Наконец сошлись на шестистах юанях. Я почти полностью выпотрошил свой кошелек. Впрочем, при мысли о том, что у меня целых две работы, выписывая чек, я чувствовал себя вполне уверенно. Спустя два дня я вовремя прибыл в мастерскую забирать машину. Хотя на некогда ужасающе искореженном задке всё еще остались следы вмятин, в целом автомобиль вернул свой первоначальный вид, да и багажник теперь закрывался без особых проблем. В сумерках я с радостным сердцем помчался на машине в аэропорт. Я хотел сделать А Вэню сюрприз.

В аэропорту было не слишком оживленно. Я нашел свободное место у входа, припарковался и остался сидеть в салоне в ожидании А Вэня. Посидев так немного, я потерял терпение и попросту вышел наружу. Наконец я заметил А Вэня — он катил за собой чемодан, выходя из зала прилёта, и сердце моё радостно ёкнуло. Он тоже увидел меня и сразу же улыбнулся. Подойдя к машине и уже собираясь загрузить багаж, он внезапно замер с улыбкой на лице, а затем испуганно ахнул. Шагнув к нему, я произвел: — Смотри, я вылечил старую Тойоту! Сколько мы были знакомы, я впервые говорил с ним таким ребячливым тоном. Он не подпрыгнул от радости. Во взгляде его читалось что-то сложное, чего я не мог расшифровать. На душе у меня вдруг стало тревожно. Я вывел машину на шоссе. Старенький мотор Тойоты оглушительно ревел, но мне почему-то казалось, что в салоне всё равно слишком тихо. Я неотрывно смотрел на красные габаритные огни грузовика впереди. Сумерки сгущались, и этот багровый свет становился всё заметнее. — Зачем ты починил мою машину? Наверное, это стоило безумных денег? — это были первые слова, которые он произвел, увидев меня. — Недорого! Тебе нравится? Как отремонтировали? — осторожно поинтересовался я. — Сколько? — Неважно, я же перед тобой в долгу. — В каком это долгу? — повысил он голос. — Ты столько раз мне помогал... — Я никогда не думал об этом как о долге передбывающем, — жестко перебил он меня. — Сколько точно? Я верну тебе деньги. — Не нужно! — в свою очередь повысил голос я. — Нужно! Обязательно верну! Грудь мне сдавило тяжестью. Мы больше не произносили ни слова, и только монотонно ревел мотор старой Тойоты. Ночь вступила в свои права. Очертания грузовика давно растворились в темноте, осталась лишь пара багровых огней, которые, словно налитые кровью глаза в глухой полночи, неотступно следили за мной. Я припарковался у дома А Вэня. Он молча вытащил из багажника вещи. Я не стал ему помогать, а просто стоял рядом и безучастно смотрел. Я протянул ему ключи от машины, но он не взял

их, лишь отвернулся. Тогда я насильно вложил ключи ему в руку и тихо произвел: — Я думал, ты обрадуешься. — Обрадоваться, что ты со мной расплатился, да? — он со злостью сунул ключи в карман. — Не знаю. Разве я не могу сделать для тебя что-то приятное? Когда я оправдывался, голос мой никогда не звучал уверенно. — Можешь! Конечно, можешь. Спасибо! — он повернулся и направился к входу в студенческое общежитие. Я застыл на месте, чувствуя себя неудобно. Опустив взгляд, я при свете яркого фонаря вдруг заметил на асфальте муравьиную тропку: спешно тащимые ими крупницы снели обходили мелкие песчинки, но карабкались через крупные камни. Быть может, их кругозор был слишком узок, чтобы заметить, что камень тоже можно обойти. А может, они вовсе не понимали, что перед ними камень, или же им было всё равно — обходить его или перелезть. Я повернулся и пошел к лаборатории. В летнюю ночь северных краев ветер приносил с собой прохладу. Отовсюду донимало стрекотание цикад. Дорога к лаборатории казалась бесконечной. В этот вечер все задачи для практикума выглядели на редкость странно. На их решение у меня ушло гораздо больше времени, чем обычно, но справиться со всеми я так и не смог. Когда я покидал лабораторию, должно быть, уже перевалило за полночь, и во всем здании не раздавалось ни звука. Вялой походкой выйдя на крыльцо, я вдруг заметил у края парковки ту самую знакомую старую Тойоту. Ночь стояла глубокая, парковка перед зданием казалась пугающе пустынной, точно университетская стоянка из моих воспоминаний. Машина стояла без огней и с заглушенным мотором. Дыхание мое участилось, и лишь благодаря освежающему ночному ветерку мне хватало кислорода. Секунды две-три я был готов развернуться и бежать. Пытаясь унять напряжение на лице, я поднял голову к усыпанному звездами небу. Тихонько напевая песню группы Черная пантера Не разбивай мое сердце, я изо всех сил старался ступать легко и непринужденно. В тот день, когда я покидал университетский городок Цинхуа, эта песня без конца звучала в коридоре общежития. Я отроду не жаловал поп-музыку, но почему-то запомнил именно эту мелодию. Только вот слов выучить не смог — помнил лишь ту самую строчку: Не разбивай мое сердце. Я уже подошел к Тойоте. Салон тонул во мраке. Я легонько постучал в стекло. А Вэнь опустил оконное стекло, и свет уличного фонаря запутался в его глазах беспорядочными искрами.

Я тихо спросил, принесла ли научная конференция плоды. Вместо ответа он протянул руку, в которой зажимал чек. Поколебавшись секунду, я взял его. Слегка улыбнувшись, я поблагодарил его. Он, кажется, тоже улыбнулся в ответ, но ночь выдалась слишком темной, а фонарь светил тускло. Рассмотреть его выражение лица в ту минуту я не смог. Он завел двигатель и включил фары. Я чуть заметно выдохнул. Желание сорваться с места и сбежать так и не покинуло меня до конца. Машина тронулась и покатила прочь. Покрытие парковки было безупречно чистым, без единой пылинки. В этом заключалось отличие от Пекина. Там в сухую и ветреную весеннюю пору на любых дорогах стоило проехать машине, как за ней взметались целые тучи пыли. Пожалуй, многие именно поэтому предпочитали оставаться в Америке. Здесь летящую пыль встретишь нечасто. Воздух чист, а летней ночью слух улаживает хор насекомых. В свете парковочного фонаря я разглядел сумму на чеке — ровно пятьсот юаней. А Вэнь, надо же, заблаговременно всё досконально проверил. Стало быть, он всё-таки планировал оплатить ремонт. Но он не знал, что ради выполнения работы за два дня я доплатил еще сто юаней. Так или иначе, ста юаней я словно бы не доплатил. И от этого на душе стало еще тоскливее и запутаннее, будто я внезапно задолжал ему куда больше прежнего, да так много, что расплатиться уже не смогу никогда. Я брел домой в одиночестве. Луны на небе не было. Яркие звезды едва помогали разглядеть контуры дороги. Наверное, сейчас было еще позже той ночи, когда мы провожали аборигенов. Появятся ли снова та патрульная машина и молодой офицер? Пока я размышлял об этом, за спиной и впрямь зажглись две фары. Не знаю почему, но мне безумно захотелось нырнуть в придорожные кусты. Впрочем, воспоминания о той ночи были не так уж плохи, если не считать того, что

прижиматься носом к земле в утренней росе — ощущение не из приятных. Видимо, воспоминания о молодом полицейском заставили меня понервничать: мне почему-то не хотелось, чтобы он снова застал меня бредущим в одиночку вдоль дороги. Однако прятаться было поздно — сидевшие в машине люди, судя по всему, заметили меня уже давно. Если бы я сейчас шарахнулся в кусты, а за спиной оказалась действительно полиция, мне пришлось бы потратить уйму слов на объяснения. Но на сей раз ни мигалок, ни пронзительной сирены не было. Машина приближалась, но скорость не сбавляла. Я попытался не обращать на нее внимания. Мало ли запоздалых путников шляется по ночам. Но автомобиль внезапно резко затормозил прямо за моей спиной. Меня охчал страх: если не полиция, то кто еще может заинтересоваться одиноким путником в этот глухой час? В почтовый ящик лаборатории каждый день падали листовки с объявлениями о розыске пропавших без вести — в столь цивилизованной стране столько людей исчезало в никуда среди бела дня. Я прибавил шаг. Машина не стала преследовать меня, но я услышал хлопок открывающейся двери. Я уже собрался пуститься наутек, как сзади раздался знакомый голос: — Достижения огромные! Слышал? Огромные достижения! Я остановился, резко обернулся и крикнул: — Какие достижения? Чего достижения? — На научной конференции! Ты же сам меня спрашивал. Я получил полный грант! Я подпрыгнул и взмахнул в воздухе кулаком. Стремглав бросившись к нему, при звездном свете я увидел его сияющую улыбку. Не отдавая себе отчета, я протянул к нему руки. Наверное, я собирался обнять его за плечи или схватить за руки. Но сейчас он смеялся точь-в-точь как шестнадцати- или семнадцатилетний паренек. Я сгреб его в охапку. Его руки крепко обвили меня вокруг моей шеи. Наши лица прижались друг к другу вплотную. Его щека пылала жаром, покрытая испариной. Скользящая ткань рубашки приятно терлась о мой подбородок. Я чуть опустил голову, и кончик моего носа коснулся кожи на его шее. От него пахло то ли утренней влажной травой в росе, то ли залитым закатным солнцем лесом. Ночь, безлунная ночь. До чего же черна она была. И дорога, и придорожные кусты — всё скрылось под покровом темноты. Лишь его горячая щека так отчетливо и плотно прижималась к моей, не оставляя между нами ни малейшего зазора. Кровь в моих жилах бурлила, губы касались его мочки, а дыхание, казалось, могло оборваться в любой момент. Всё его тело едва заметно дрожало. Руки блуждали у меня за спиной. Горячее дыхание обжигало мне шею. И в этот миг проклятая память вдруг перенесла меня в тот душный полдень многолетней давности, на чердак моего дома. Щека Вэя тогда тоже прижималась к моему лицу. Прижималась так же тесно.

Вэй с обнаженным торсом крепко обнимал меня за плечи. Столько времени прошло, такое огромное расстояние легло между нами. Неужели я по-прежнему ненавижу Вэя? Разве дневник А Лань не лежит всё еще в ящике моего убогого письменного стола в подвале? Вэй! Вот так неожиданно он то и дело пробирался в мое нутро, словно муравей, тайком подтачивающий мое тело. Я слегка отстранил от себя А Вэня. При звездном свете его лицо казалось расплывчатым. Но почему же всего мгновение назад я так отчетливо видел его улыбку? Ту самую улыбку шестнадцатилетнего паренька? — Здорово, поздравляю! — изо всех сил стараясь перекрыть голосом ночную тишину, произвел я. — Спасибо, что починил машину. Прости! — тихо отозвался А Вэнь. — Перестань. Не за что извиняться и благодарить. Твоя машина — моя машина, разве не надо было ее починить? — Я так рад слышать это, брат Дун. Сердце у меня слегка ёкнуло. Неужели А Вэнь и впрямь считает меня старшим братом? Наверное, ему и в самом деле стоило видеть во мне брата. А я? Достоин ли я быть его старшим братом? На душу вновь тяжелым грузом легла вина. Ночь сгустилась еще сильнее, и черты его лица различить стало окончательно невозможно.

В ту ночь у порога моего жилья мы с А Вэнем тихо попрощались. В тот самый миг, когда он повернулся, мне вдруг захотелось, чтобы он остался. Сам не знаю почему, я испугался этого

темного подвала. Словно там пряталось какое-то гигантское чудовище, способное в любую секунду проглотить меня целиком. На самом же деле, кроме кровати, стола, стула, ровесника моих лет телевизора да двух чемоданов, там стоял лишь грохочущий сутками напролет котел. Думаю, А Вэнь тоже предпочел бы остаться. Но именно из-за этого во мне шевельнулся страх. Чего именно я боялся, я не понимал, но этот страх превосходил боязнь темноты. В конце концов, к мраку я давно привык. Забравшись обратно в свой угол, я включил настольную лампу. Свет оказался слишком мягким и робким — ему не хватило сил залить всю комнату, и по углам затаилась темень. Но на мое лицо лучи легли. Кожа на щеке до сих пор хранила слабый след тепла. Поспешно погасив лампу, я повалился на кровать. Стоял макушок лета, и в подвале сделалось совсем душно. Ворочаясь с боку на бок, я долго не мог сомкнуть глаз. В памяти всплывали высокие фонари университетской парковки, плещущиеся в реке Гурон дикие утки и шумный звон бокалов в Китайском корпусе. До чего же холодными и одинокими выдались те дни работы в Китайском корпусе! По правде говоря, ночи там наверняка были бурными и оживленными. Отчего же в памяти отложилось ощущение холода и одиночества? Наверное, дело в погоде. Во многих из тех ночных возвращений на велосипеде из Китайского корпуса ветер бил мне в лицо. Он казался холоднее зимних ночей в Цинхуа. Но теперь стояла жара. Те морозные зимние ночи в Китайском корпусе миновали. На сердце заскреблась тревога. Стоило мне открыть глаза, как окружающая темнота навалилась со всех сторон, с головой накрывая меня. Я поспешно сел. Спина взмокла от пота. Снова щелкнув выключателем настольной лампы, я зажёл её — свет показался неестественно ослепительным. Прижав ладонь к абажуру, я заставил лучи собраться в пучок и целиком обрушиться на крошечную столешницу. Я держал столик в идеальном порядке: на нем стоял лишь телефон с автоответчиком, купленный у хозяина дома. Моя рука медленно потянулась к аппарату. Кому же я собирался звонить? А Вэню? Почему в голове неотступно крутился его номер? И когда успел я заучить его наизусть, при моей-то никудышной памяти? Но зачем мне звонить А Вэню? Из-за его лучистых глаз, улыбки шестнадцатилетнего паренька или теплой щеки? Из-за его белоснежной рубашки, черной бабочки и хорошо сидящих брюк? Ведь только что моя грудь прижималась к его рубашке. И в то же время я вспомнил Вэя в тот знойный полдень, когда он, полуголый, прижался кожей к моей спине. Как я мог так долго ненавидеть человека? Тем более что он продолжал заботиться о моем престарелом и немощном отце. Мои пальцы почти коснулись телефона, но я заколебался. А Вэнь был таким славным со своей наивной улыбкой. Его худощавое, но крепкое тело так недавно и нежно заполняло мои объятия. Но не настанет ли день, когда и он станет мне ненавистен? Или, может быть, это я вызову у него ненависть? Я посмотрел на собственную правую руку: указательный и большой пальцы были выпрямлены, а остальные согнуты в кулак. Кожа на тыльной стороне ладони казалась неестественно бледной под светом лампы. На костлявых пальцах переплетались голубоватые вены. Рука неподвижно замерла над телефонной трубкой, словно уже ощущая исходящую от нее прохладу. Вдруг резкий, пронзительный звонок телефона разорвал тишину темного убежища. Меня всем телом передернуло. Кто это? Среди ночи? Я схватил трубку. Грудная клетка будто сузилась, не вмещающая бешено бьющееся сердце. Тихонько угукнув, я в молчаливом ожидании замер. Секундная тишина. А затем до боли знакомый, но давно не слышимый голос позвал меня по имени: — Сяодун? Это ты? Сяодун? Голос доносился откуда-то из заоблачных далей — слабый, но глубокий и бархатистый. И в этот миг всё прошлое разом накатило на меня девятым валом: неторопливый поезд у обсерватории, сумеречная желтизна у Храма спящего Будды, яркие огни фонарей на Второй кольцевой... Я чувствовал, как сжимается моя грудь, сжимается так тесно, что сердцу не оставалось места для биения. — Это... Вэй? Горло перехватило, голос сорвался хриплым дрожащим звуком, застрев на самом языке.

Неужели эта бесконечная ночь снова решила пошутить надо мной, подсунув очередное призрачное сновидение? Телефонная трубка тем временем вжалась в ухо так сильно, будто

норовила проломить череп, но прохладная боль в ушной раковине ощущалась до жути реально. — Сяодун, послушай меня, только не паникуй, умоляю, не паникуй. Я изо всех сил вцепился в трубку, а рука продолжала крупно дрожать. — Сяодун, твоему отцу нездоровится, я только что отвез его в больницу Тунжэнь, врачи говорят, возможно... — Отец! Что говорят врачи? Что с ним сейчас? — закричал я, и голос мой прозвучал звонко и громко. — Сяодун, умоляю, не волнуйся, врачи говорят, что он... состояние в целом стабильное. — Не вешай лапшу! Говори толком, что с моим отцом?! — Правда. Я не вру. Но тебе лучше побыстрее вернуться и проведать его, мне... мне нужно вешать трубку. Запомни: больница Тунжэнь. В трубке повисла тишина. — Отец... что с ним в конце концов? — мой голос упал до шепота. А голос Вэя с другого конца провода пропал безвозвратно. На смену ему пришел чистый и мягкий женский голос, который на безупречном американском английском монотонно повторял: — Извините, абонент повесил трубку. Если вы хотите совершить другой вызов, пожалуйста, положите трубку. Голос звучал так нежно и умиротворенно, словно ничегошеньки не произошло. Затем оборвалась и запись, сменившись противными длинными гудками. Наконец умолкли и гудки. Всё вокруг снова погрузилось в тишину. В бескрайнюю, отчаянную тишину. Я с силой швырнул трубку. Назад, в Пекин! Я должен увидеть отца, должен сделать так, чтобы он увидел меня! В ту ночь перед отъездом отец говорил мне так много всего, но моя проклятая память стерла каждое слово. Зато я отчетливо помнил: под бледным светом уличного фонаря стоял Вэй, задрал голову и глядя на меня. А яркие фары машин на Второй кольцевой ровно и мерно текли мимо него. Завтра же я тронусь в путь. Я вернусь к отцу. Небеса, молю, дайте мне еще шанс услышать слова отца!

На следующий день ровно в три часа пополудни боинг-747 Северо-Западных авиалиний наконец неуклюже вырулил на взлетную полосу. Я сидел у иллюминатора. Салон был забит под завязку, в сухом донельзя воздухе витал густой запах толпы. Я отвык от этого запаха. Скукожившись в отведенном мне крошечном пространстве этого гиганта, я был готов провалиться в сон прямо сейчас. Прошлую ночь я провел без сна. Домашний телефон в Пекине упорно не отвечал. Под утро мне все же удалось дозвониться до больницы Тунжэнь. Медсестра сообщила, что у отца случился острый приступ сердечной недостаточности и больница выдала извещение об опасности для жизни. К моему собственному удивлению, известие это не повергло меня в шок. Я лишь неожиданно ощутил тупое оцепенение и растерянность. Впрочем, по тону Вэя я уже предчувствовал беду. Среди ночи я позвонил в Северо-Западные авиалинии и по новой кредитной карте забронировал билет до Пекина на тот же день. Билет обошелся в тысячу девятьсот долларов. На моем же банковском счете оставалось всего несколько сотен. Как отдавать долг? Об этом думать не хотелось. Банк, кредитка, Вэй, да и А Вэнь — всё это могло подождать.